

В. ПАНОВА

ЯСНЫЙ БЕРЕГ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1950 Ленинград

*Постановлением Совета Министров
Союза ССР от 8 марта 1950 года*

ПАНОВОЙ ВЕРЕ ФЕДОРОВНЕ
*присуждена Сталинская премия
Третьей степени
за повесть „Ясный берег“.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОРОСТЕЛЕВ

По дороге в райком Коростелев забежал, как он выражался, «накрутить хвост» шоферу Тосе Алмазовой.

Алмазова пятый день не выходила на работу. Коростелев посылал за нею, вывесил грозный приказ, — ничего не помогало: у Алмазовой шло большое гулянье. Гуляла вся родня, гуляла вся улица в честь благополучного возвращения Тосиноного супруга с полей Отечественной войны.

В маленькую кухню светило веселое апрельское солнце. Час был уже поздний, а хозяева только собирались завтракать: накануне легли спать с третьими петухами... Алмазов сидел у стола небритый, неподпоясанный, с туманом вчерашнего хмеля в глазах, но сапоги его были зеркально начищены и к вороту гимнастерки пришит чистый подворотничок: «Антонина старается, наряжает мужа», — подумал Коростелев, с лету заметив все подробности. Две девочки сидели по другую сторону стола, тоже нарядные, старшая в красном галстучке: и детишки дома, в школу не пошли... Тося ухватом передвигала в печи горшки, лицо ее пылало от печного жара. Блаженствуют, черти. В рабочие дни сплошной выходной устроили, законы не для них писаны...

— Доброго здоровья! — сказал Коростелев, с разгону шагнув в кухню и остановившись. — Я по твою душу, Тося. Корми семейство скорым темпом, и айда.

— Стул подай-ка, — сказала Тося старшей дочери. — Радость у меня, не сердитесь, Дмитрий Корнеевич.

Она поставила ухват и стояла перед Коростелевым, глядя ему в лицо виноватыми и сияющими глазами. А глаза у нее были серо-зеленые, обведенные темной каемочкой. И такие же глаза были у двух беленьких детишек,

сидевших против отца. Невозможно под взглядом этих глаз заорать: «Да ты что, на самом деле! Вот отдам под суд...» Оставалось сесть на стул, который девочка выставила на самую середину кухни, и бить на психологию.

— Очень рад за тебя и поздравляю, конечно, — начал Коростелев, — но работа есть работа, Тося, так?

— Мне отгул полагается, — сказала Тося. — У Лукьяныча записано, сколько выходных я отработала. После завтра выйду.

— Еще бы сказала — через неделю. Ты просто, я тебе скажу, пользуешься своим положением.

Она закинула голову и засмеялась.

— Пешочком ходите? — спросила сквозь смех.

— На самолете летаем.

— Ничего, — сказала Тося, — немножко пешочком полезно для моциона.

Она все смеялась счастливым смехом, горло ее вздулось, как у голубя, глаза блестели. «Ай да Тоська! — удивился Коростелев. — Вон она как умеет смеяться!» В первый раз он увидел, что она статная, здоровенная, красивая; а раньше всегда была сутулая, бледная, словно невыспавшаяся...

Вслух он сказал:

— Смеяться не приходится. Вообще, ты стараешься подчеркнуть, что ты незаменимая. И на этом основании позволяешь себе много лишнего. Вот ответ на такой вопрос: кто тебе крышу покрыл, чтобы твоих детей в дождь не заливало?

— Ну? — спросила Тося.

— Кто тебя поддерживал? Где бы ты еще нашла такую должность, что тебе то дров подбросят, то молока, то мяса?

— Молока, мяса, то, се, — сказала Тося голосом бухгалтера Лукьяныча и опять засмеялась.

— Не дразнись: должна ты, в свою очередь, идти на встречу производству?

— Это верно, — сказала Тося, обращаясь к мужу. — Поддерживали они меня, верно.

— А ты в рабочий сезон устраиваешь себе отгулы. Надо же иметь элементарную сознательность. Вот в данный момент сменные доярки на том берегу режут кочки.

Доярки! Ихнее дело, скажешь? Трактористы по восемнадцать часов не слезят с трактора. Родилка переполнена. И я должен поспеть ко всем людям и во все места — пешочком!

— Дмитрий Корнеевич, — сказала Тося тихо, — я его четыре года не видела.

Алмазов встал и сделал несколько шагов по тесной кухне. Левая рука его была опущена в карман галифе, в правой дымила папироска... Медленно, как бы просыпаясь и вспоминая, оглядел он низкий беленый потолок, на котором между голубоватыми мазками мела проглядывала кое-где прошлогодняя копоть. Тося следила за мужем немигающим, замороженным взглядом.

— Починено как следует? — негромко спросил Алмазов. — Нигде не течет?

— По-хозяйски починили, ничего, — ответила Тося. — Олифу хорошую дали.

— Побелено неважно, — заметил Алмазов.

— Перебелю, — сказала Тося. — На скорую руку белила, все некогда, некогда, за баранкой днюёшь и ночуешь.

— Что ж вы ее так?.. — сказал Алмазов, обращаясь к Коростелеву. — Она женщина, ей и дома когда-нибудь надо побыть.

— Вот идите к нам за второго шофера, — сказал Коростелев, — тогда сделайте одолжение: сутки отъездила, а на вторые сиди дома, никто не держит.

— При чем же тут я? — сказал Алмазов. — Это не моя специальность.

— А какая ваша специальность?

Алмазов не ответил, перешагнул через длинные ноги Коростелева, ушел в комнату за кухней. Ответила Тося:

— Столяр он. Столяр и плотник.

— Так в чем дело? Милости просим.

— Там видно будет. Пусть отдохнет. Больше года пролежал в госпиталях, шутка?

— А теперь как — в порядке?

— В порядке-то в порядке, да пусть еще погуляет.

— Бережешь его очень.

— А по-вашему, не беречь? — спросила Тося. — Да вы скидайте шинель, садитесь с нами покушать, сейчас пирог выну.

— Некогда мне с вами кушать, — сказал Коростелев, вставая. — И так засиделся. Ну, всего. Завтра чтоб была на работе, слышишь?

— Послезавтра.

— Завтра, завтра! — уже с порога сказал Коростелев начальственным голосом. — А то, имей в виду, нехорошо будет. Завтра с утра!

«Не выдержал, дал-таки ей поблажку, — думал он, быстро шагая по улице. — Начал как надо — «корми семью, и айда», а кончил — «приходи завтра». И что за характер дурацкий! Этак все из меня веревки вить будут. . . А ведь она и завтра не явится, хоть пари держать — не явится. Любит его. . . Если бы меня так полюбил кто-нибудь, я бы по гроб жизни был благодарен и дорожил. . .» На секунду ему стало грустно, что его никто не любит. Вот — и молодой, и наружность не хуже, чем у других, а не любит никто. Встречи эти фронтовые. . . Где та, с золотым до удивления хохолком, с которой он познакомился в Белостоке? Даже на письмо не ответила. . . Где черноглазая, которая говорила: «Ух, какой вы высокий, а муж еще выше!» и все показывала карточки мужа. . . Ерунда это все, грусть одна, а не любовь.

Долго задерживаться на этих мыслях не приходилось: сейчас бюро райкома будет слушать его отчет.

Неделю назад Горельченко, секретарь райкома, приезжал в совхоз. Обошел все фермы, говорил с людьми. Коростелев и Бекишев, секретарь партбюро, ходили с ним и всё ему рассказывали. Он слушал внимательно, глядя тяжелым, без улыбки, взглядом, потом сказал:

— Ну что же, доложите на бюро.

И не сказал, что он думает о делах совхоза. Коростелев, который еще не разобрал, симпатичен ему Горельченко или не симпатичен, немного разочаровался: коллегиальность — коллегиальностью, но разве не может секретарь райкома в частном разговоре высказать свое личное мнение? Кажется, есть за что нас похвалить. . .

Приехал Горельченко в совхоз в семь утра и пробыл до обеда. Ему предложили пообедать (поварихи специально готовили, хотели угостить повкуснее); он сказал:

— Спасибо, я у чкаловцев пообедаю.

И уехал в колхоз имени Чкалова.

Теперь у Коростелева посасывало под ложечкой: что будет на бюро? Хоть бы похвалили, чтобы выйти после заседания с независимым лицом, как вышла прошлый раз заведующая районо, которой записали «признать работу удовлетворительной». Почему Горельченко с ним неласков? Неспроста он тогда отказался от обеда и поехал к чкаловцам. Все районные работники едут к чкаловцам, в совхоз редко кто заглянет. Даже Данилов, директор треста, был всего один раз: он считал, что «Ясный берег» в лучшем положении, чем другие совхозы треста. А по сути дела, тоже положение не из блестящих, где там!

*

Первое знакомство Коростелева с Горельченко произошло вскоре после демобилизации.

Осенью 1945 года Коростелев двигался с запада на восток в громадном потоке демобилизованных. Четыре года он прослужил в Красной Армии и с честью возвращался домой.

Не сразу оборвались связи с родной дивизией: на первых станциях встречалось много знакомых, завязывались свойские разговоры, в разговорах общие вставляли воспоминания, упоминались имена общих командиров... Чем дальше от дивизии, тем меньше знакомых лиц. Далеко от дивизии — ни одного знакомого лица, и тебя никто не знает, а людей все больше и больше — лавина людей, сила людей!

Поезда шли по расписанию и сверх расписания, но все одинаково перегруженные. На станциях толчея, у касс длинные очереди. Железные дороги были заполнены людьми в шинелях, с солдатским багажом на плече: мешок, сундучок, в сундучке барахлишко, в мешке хлеб.

На одной узловых станции Коростелеву пришлось долго дожидаться пересадки.

Бесконечно тянется ночь, когда лечь негде, — сидишь в неудобной позе на чемодане.

Одна только лампочка, слабо накаленная, горела на потолке, да косо падал через окна бледный свет с перрона. Густым и горьким махорочным дымом был наполнен вокзал — сегодняшним дымом, вчерашним, позавчерашним... Лампочка светила сквозь махорочные облака. Кругом на мешках и сундуках спали люди в сапогах и шинелях, —

не пройти... Плакал ребенок; женский голос сонно успокаивал его:

— Шш... Шш... Баиньки... баиньки...

Коростелев то задремывал, то просыпался, смотрел на часы, ставил затекшие ноги в другую позицию. Ребенок разбудил его, он очнулся, растер ладонями лицо, закурил.

Невдалеке поднялся человек. Свернул папироску, стал чиркать зажигалкой. Чиркал, чиркал — огня нет. Коростелев достал свою, дал. Человек закурил — осветилось большое лицо с большими черными бровями, у виска узловатый шрам.

— А интересно, — сказал человек, возвращая зажигалку.

— Что интересно? — спросил Коростелев.

— Вот это все интересно. — Человек повел кругом рукой. — По домам, значит. Сделали дело, и по домам. Из одной армии в другую: землепашцев, строителей. Страница истории дописана — начинаем новую... А ведь некоторые прежнюю профессию забыли, заново пойдут жить... Вы — какую имели специальность?

— Веттехник.

— Обратно в ветеринары?

— Вряд ли.

— Разонравилось?

— Отвык.

— То-то.

Потревоженный разговором, заворочался еще один спящий. «Поезд-то пришел, пришел поезд?» — спросил он неразборчиво, коротко вздохнул и опять уронил голову на мешок.

— Спи, сержант, спи! — сказал человек с черными бровями. — Придет твой поезд. Сапоги убери, а то сосед обидится... Сколько этими сапогами за войну пройдено? Сколько всеми нашими сапогами пройдено? Подсчитать бы общий километраж. Помните, как все двинулось на фронты? Вот — обратный хлынул поток... Вы женаты?

— Нет, не женат.

— Неженатому легче уходить.

— А женатому, должно быть, веселей возвращаться, — сказал Коростелев.

— А общий километраж подсчитать можно, — сказал, помолчав, собеседник, — если толково взяться. Длинная получится цифра, а? Астрономическая.

— Не в цифре дело, — сказал Коростелев.

— Все-таки интересно.

Они говорили тихо. Вокзал спал. Дышали люди, стояли, всхрапывали. «Баиньки... баиньки...» — сонно и нежно приговаривала невидимая женщина, укачивая ребенка. Вспыхивали в махорочном мраке две папироски, два крошечных красных огонька.

— Баиньки, — повторил человек с черными бровями. — Высыпайся, ребята, на привале. Скоро большая побудка.

— Восстанавливать придется много, — сказал Коростелев.

— Много.

Если бы Коростелев знал, что творилось в душе у его собеседника во время этого обрывочного ночного разговора, — наверно, наверно нашел бы Коростелев слова, чтобы разговаривать с собеседником, развлечь, деликатным способом выразить свое внимание и сочувствие. А Коростелев зевал и отвечал сквозь зевоту.

Откуда же ему было знать, что обоих сыновей потерял Горельченко в войну, — старший пал, защищая Сталинград, младший под Берлином. Уходили воевать втроем, отец и два сына, а возвращался Горельченко один. И переживал ли он вдохновенно-гордое чувство победы; радовался ли наступившему миру и человеческой радости; обдумывал ли, какие великие работы предстоят народу и какова его, Горельченко, доля участия в этих работах, — а все стоял перед глазами образ неутешной матери, верной его подруги. Как-то встретятся они, как друг на друга взглянут?.. У него, отца, горе иссекло лицо морщинами, выбелило виски, — а мать?..

Неоткуда Коростелеву было знать все это, невдомек было ему.

Он достал кисет и угостил собеседника табаком. Оба углубились в милые сердцу процедуры: надо было оторвать от газеты полоску нужной величины и сложить желобком; насыпать табаку и равномерно распределить вдоль желобка; скрутить папироску; край бумажки смочить языком и заклеить; высечь огонь в зажигалке и, сде-

лав затяжку, окутаться адским дымом, обжигающим гортань и глаза.

— Табачок у тебя серьезный, — сказал собеседник, перейдя на «ты». — Для любителей сильных ощущений. Пьешь здорово?

— Не то, чтобы здорово, но могу выпить.

— А в ветеринары, значит, не хочешь. А чего хочешь? Командных постов?

— Ничего не имею против, — сказал Коростелев, обидясь немножко.

— А как не дадут командных? Пойдешь в чернорабочие?

— А хоть в чернорабочие, — сказал Коростелев. — Лишь бы действовать в полную силу.

— Стосковался по работе?

— Тосковать было некогда. А сейчас — очень хочется работать, конечно.

— На, выпей.

И перед Коростелевым очутилась рука, держащая крышку от фляги.

— Пей, это спирт типа твоего табака. За работу. Командную, черную — всякую!

И сам глотнул из фляги. Коростелев выпил — спирт был и впрямь подстать его табаку.

— Последняя заправка, — сказал собеседник. — Сейчас мой поезд придет. Через четыре часа еще пересадка, а там — айда.

— Далеко?

— На работу.

— Уже есть работа?

— Нашлась.

Далеко-далеко слабо и призывно закричал паровоз; ему откликнулся мощным гудком паровоз на станции. Собеседник встал и принялся приводить в порядок свой багаж.

Радио возвестило о приближении поезда номер такой-то. Кругом вскочили, задвигались. Захлопала дверь. Человек с черными бровями взвалил чемодан на плечо, сказал «все» и ушел в толпе серых шинелей.

Подождав, пока кончится давка в дверях, Коростелев вышел на перрон. На дворе уже чуть светало; розовел восточный край неба; морозец обсушил землю. На даль-

нем пути стоял поезд; шла посадка; у вагонов толпились серые шинели. Их было так много, что казалось — поезд не может их вместить; но вошли все до последнего человека. Перрон опустел. Крикнул паровоз, и поезд пошел на восток, на зарю, в будущее.

*

Через два дня после этой встречи Коростелев приехал в родной городок, к матери и бабке. Мать, Настасья Петровна, пятнадцать лет работала в совхозе «Ясный берег»; бабка хозяйничала дома. По приезде начался для Коростелева новый, неожиданный этап жизни: его назначили директором совхоза. Вызвали сначала в областной центр, в трест, потом в Москву, и там инструктировали. А когда он вернулся из Москвы, в райкоме партии был новый секретарь, Иван Никитич Горельченко. В этом громадном большелицем человеке с черными бровями и с узелком шрама у виска Коростелев с первого взгляда узнал своего ночного вокзального собеседника. Коростелев не признался ему: зачем? Горельченко его не узнавал — ну и ладно. Не та была встреча, чтобы напоминать о ней...

Под началом у Коростелева оказалось большое хозяйство. Оно было порядком запущено в годы войны, когда в совхозе размещались, помимо своих коров, стада, эвакуированные из Ленинградской области. Корма ухудшились; на скотных дворах было тесно; животные болели, удои снизились.

Мужчины ушли на фронт. Мужчин — трактористов, скотников, полевых рабочих — заменили женщины и подростки. Им пришлось положить много труда, чтобы в тяжелых военных условиях сохранить драгоценное, любовно подобранное и взлелеянное стадо совхоза.

Совхоз создавался в первой пятилетке, в 1930 году. Постройки ставились временные — деревянные, с расчетом на то, чтобы заменить их через десять, двенадцать лет. Для этой замены за год до войны начали свозить в совхоз строительный материал. Старый маленький кирпичный завод на территории совхоза расширили, построили новые сушильные печи. Война отложила строительные работы. К концу войны старые постройки обветшали, пришли в негодность: для капитального ремонта не было рук.

. Чтобы совхоз укреплялся и рос, нужно было прежде всего создать добрый запас хороших кормов и новые помещения для скота. Без этого нельзя поднять удои, нельзя победить болезни, нельзя растить здоровый молодняк.

Когда Коростелев принимал бразды правления, главный бухгалтер Лукьяныч сказал ему:

— Не затруднит ли вас, Дмитрий Корнеевич, съездить со мной тут неподалеку в одно местечко? Не пожалеете.

Лукьяныч знал Коростелева давно, мальчишкой, Митькой, но теперь держался с ним очень корректно.

Коростелев поехал. Тося Алмазова с трудом вела машину по нерасчищенной дороге. Мелкой сеткой летел снег на безлюдные поля.

— Куда мы? — спросил Коростелев.

— Имейте терпение.

Миновали вторую ферму, оставили в стороне и третью. Завиднелись в летящей белой мгле большие строения, плоские, без окон и дверей, крытые соломой и снегом.

— Стоп. Вылезли, Дмитрий Корнеевич.

Оставив машину на дороге, пошли через поле пешком. Строений было восемь, с боков они были обставлены фанерными щитами и ржавыми листами старого железа, подпертыми кольями. Лукьяныч выдернул пару кольев; громыхнули, падая, железные листы; Коростелев увидел аккуратным штабелем сложенный лес — материал для стройки, отборный материал, чистое сокровище.

— Откуда это?

Жмурясь от снега и удовольствия, Лукьяныч заложил отверстие железом, подпер кольями.

— Как откуда? Наше, совхоза «Ясный берег». В сороковом и сорок первом завезено для нужд капитального строительства. Пошли дальше.

И в других строениях был лес, заботливо сложенный.

— Боюсь, что сгнила половина.

— Не может быть. Для того и укрывали, чтобы не гнило. Как законсервировались наши планы — ну, думаю, лес надо сберечь! Тут у нас когда-то пастбища были, остались навесы, мы их использовали. Пришлось попотеть: материал-то был разбросан по всем фермам, с людьми плохо, с лошадьми плохо, — по ночам возили, Дмитрий Корнеевич! Двойной был расчет: сберечь для будущего строительства — раз; в случае, не дай бог, прорвался бы к нам

Гитлер — мы бы это в момент подожгли, чтобы ему не досталось, — два.

— И ничего не растащили?

— Охрану держал. Трудно было. Стояла охрана по всей форме. Сам дежурил с винтовкой. В совхозе «Долинка», там за войну все стройматериалы разбазарили на дрова. А мы сберегли. Принимайте.

— Это вы большое дело сделали, Лукьяныч.

— А вы думали.

Они возвращались к машине.

— В тресте знают?

— Большой был соблазн, Дмитрий Корнеевич, не сообщать. Списать, и все! — как списали в «Долинке». Кто взыщет? А с другой стороны — как же я при инвентаризации утаю такое количество материалов, — это получается государственное преступление, а я не люблю, когда пахнет преступлением. Я люблю провести законно.

— Пожалуй, трест будет резать нам сметы на стройматериалы, зная, что у нас есть запас.

— Обязательно будет. Уже прирезал. Я заявил Данилову, что протестую.

— А Данилов что?

— Данилов говорит: я «Долинке» увеличил, а вам срезал, потому что у них нет, а вам на пять лет хватит.

— Нехватит на пять лет.

— И я сказал, что нехватит. А Данилов говорит: война только недавно кончилась, будет вам и белка, будет и свисток, а пока фонды небольшие, управляйтесь в пределах плана. Железный мужик, его не переговоришь.

— Железный, — подтвердил Коростелев. Он успел рассмотреть Данилова, директора треста, пока тот его инструктировал.

На обратном пути, в машине, Коростелев и Лукьяныч обсуждали предстоящие строительные работы. Телятники — в первую очередь телятники и родильные отделения. Затем скотные дворы, конюшни, склады для зерна.

— Гараж, — обернувшись, сказала Тося. — Хоть какой, хоть плохонький. А то курам на смех — становлю машину в конюшне между лошадьми.

— Мечты-мечты, где ваша сладость! — сказал Лукьяныч. — Всё спланировали, и даже гараж, а работники?

В строительной бригаде совхоза были главным образом подростки пятнадцати, шестнадцати лет. Они делали ремонт — починяли полы да рамы, заменяли сгнившие доски новыми, красили крыши. Строителей со стажем было мало, а человека, который мог бы руководить строительством, и вовсе не было.

— Придут работники, — сказал Коростелев. — Не разводите пессимизм. Когда есть стоящая работа, найдутся и работники, не могут не найтись.

*

Первая мирная весна после четырех военных весен. Первая весна новой пятилетки. Ее встречали радостно и дружно.

Много людей собралось в кабинете Горельченко. Отчитываться о подготовке к севу пришли председатели колхозов, заведующий опытной станцией и Коростелев. Возле Коростелева сидел Бекишев, секретарь партбюро совхоза, спокойный немногословный человек, к которому Коростелев с первого дня почувствовал расположение.

И раньше Коростелева иногда вызывали на заседания бюро райкома, но ему казалось там неинтересно. Он неохотно отрывался от своих занятий и шел заседать. Сидел, думал о своем и не понимал, зачем его вызвали.

— Желаете высказаться? — спрашивал Горельченко.

Коростелев отвечал:

— Да нет, я не особенно в курсе...

Горельченко кивал, как будто соглашался, что Коростелев не в курсе.

Сейчас Коростелеву было интересно, потому что ему самому предстояло докладывать.

— Товарищи, — начал он, разложив на красной скатерти листки с цифрами. — Совхоз начинает сеять через два дня, и вот с чем мы приходим к севу.

Он рассказал, что весь инвентарь подготовлен еще с зимы — от тракторов до силосорезок. Семена очищены и протравлены. Рассказал, как шаг за шагом шли навстречу весне — раскидывали снежные наметы, чтобы поля равномерно пропитывались водой, удаляли ледяную корку с озимых, подкармливали озимые минеральными удобрениями, лущили и пахали поля, не вспаханные осенью.

— Вопрос о кормах, товарищи, это вопрос жизни совхоза. Без концентратов невозможны те высокие удои, которыми блистал совхоз до войны. В этом году мы вернулись к научному севообороту, мы используем все наши земли и стараемся взять от земли все, что она может дать. Вот как мы готовили поля под турнепс: осенью вспахали их под зябь на глубину двадцать пять сантиметров, весной пробороновали зябь, перепахали и снова пробороновали; и на каждый гектар внесли сорок тонн навоза. Вико-овес и горохо-овес будем сеять в четыре срока, чтобы все лето подкармливать скот молодой травой, богатой белком.

Во всем этом, товарищи, нет отдельной заслуги отдельного человека, ни агронома, хотя агроном у нас очень хороший, ни тем более моей, потому что я в совхозе без году неделя... Общее желание к работе и общая заслуга. Доярка ли, конторщица ли — брала лопату и шла раскидывать снег, с охотой и старанием, во всякую погоду. И как раз в этот момент, когда я здесь отчитываюсь перед вами, наши люди работают на субботнике — расчищают луга: выкорчевывают кустарники, срезают кочки, в заболоченных низинах роют канавы, чтобы отвести воду. Теперь до самой речки пройдет сенокосилка, сено будет убрано во-время и быстро. Подробнее о работе с людьми скажет товарищ Бекишев.

У Бекишева на скуластом обветренном лице проступают розовые пятна, когда он начинает говорить. Только по этим пятнам можно догадаться, что Бекишев волнуется, других признаков нет: говорит он ровным голосом, без коростелевского красноречия. Он убежден, что слова его правильны и дельны, но стесняется говорить пространно, не считает возможным отнимать много времени у этих занятых людей, которым еще столько докладов предстоит выслушать сегодня. Ему недостает горячей и простодушной веры Коростелева в то, что все происходящее в совхозе, до последних мелочей, должно быть интересно всем на свете так же, как ему самому.

О себе никогда Бекишев не говорит. Сколько бы труда он ни вложил в какое-либо дело, со стороны кажется, что это дело сделалось само или усилиями других людей, — до того незаметно, в тени держится Бекишев.

И сейчас он рассказывает о соревновании доярок так, словно не он организовал это соревнование, а кто-то другой. Рассказывает о том, что Настасья Петровна Коростелева, знатная телятница совхоза, взялась учить молодых девушек своей профессии, — словно не он поставил на партбюро вопрос о прикреплении молодежи к опытным специалистам. Он говорит, что с подготовкой кадров дело поставлено плохо: две комсомолки посланы на курсы ветеринарных фельдшеров, трое подростков обучаются каменщицкому делу, — это всё, говорит Бекишев, а это капля в море. И нужна вся опытность собравшихся здесь людей, чтобы сквозь эти скупые слова разглядеть, как много сделал за короткое время молодой парработник Бекишев.

— Вопросы есть? — спросил Горельченко.

Вопросов не было. Подождав, Горельченко сказал:

— Доложите коротенько, товарищ Коростелев, об общем состоянии совхоза и, в частности, о ваших строительных планах.

Коростелев достал из нагрудного кармана новые листочки и стал докладывать. Обнаружил отличное знание постановления ЦК о животноводстве, приводил цифры, на память называл лучших коров — Брильянтовая, Нега, Мушка, Печальница... Он знал каждую: сколько молока она дает, и какое принесла потомство, и какое соцобязательство принято дояркой, обслуживающей эту корову... Люди улыбались доброжелательно, и это доброжелательство — Коростелев чувствовал — относилось не только к совхозу, но и к нему, молодому руководителю.

Нужно ставить новые постройки для скота. Лесоматериал есть, теперь задача — пустить полным ходом кирпичный завод, выработать столько-то штук кирпича и употребить его на такие-то первоочередные строения.

— У меня вопрос, — нервно сказала заведующая районо. — Учел ли товарищ Коростелев то количество кирпича, которое требуется для школы, строящейся на территории совхоза?

(Школу заложили до войны, этим летом, по плану, ее надлежало достроить.)

Нет, Коростелев не учел этого количества.

— Как же так? — сказала заведующая районо.